

И.А. Ноздрина

К истории возвращения волжских калмыков в Россию: взгляд сквозь века

В 2005 г. президент Калмыцкой Республики К. Илюмжинов выступил с национальным проектом, направленным на объединение всего калмыцкого народа. Президент предложил преодолеть исторический раскол калмыцкого народа, происшедший в 1771 г. в результате откочевки части калмыков в Цинскую империю, путем интеграции китайских калмыков, проживающих в СУАР КНР (Синьцзян – Уйгурский автономный округ Китайской Народной Республики), с волжскими. Реализовать свою идею К. Илюмжинов планирует в рамках осуществления федерального проекта «По оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

В связи с предстоящим столь важным политическим событием не только для Республики Калмыкия, но и для России в целом, весьма актуально обратиться к истории и посмотреть – каким образом вопрос о возвращении калмыков в Россию решался между Российской и Цинской империями в конце XVIII в.

В январе 1771 г. волжские калмыки и принятые в российское подданство после разгрома Ойратского ханства цинскими войсками джунгары неожиданно для русских властей покинули места своих кочевий на берегах Волги и отправились в земли бывшего Джунгарского ханства, в страну, «в которой в старину делили свое горе и радости их отцы и деды», в надежде «на огнищах ойратов» образовать самостоятельное и независимое государство [1, л. 83]. Русским властям, несмотря на предпринимаемые меры, не удалось остановить бегство кочевников. Вскоре после бегства калмыков в Цинскую империю в Палату внешних сношений (Лифаньюань) из Правительствующего Сената был отправлен лист, уведомлявший китайское правительство, что, возможно, «стремятся оные к земле Зенгорской», и в связи с этим просил, «дабы изменники оные пропущены не были» [2, л. 78об.]. Однако, несмотря на лист Сената, волжские калмыки и джунгары были приняты в подданство Поднебесной.

29 августа 1771 г. в Селенгинске был получен лист из Лифаньюаня, адресованный Правительствующему Сенату, знакомивший русское правительство с указом императора Цяньлуна о принятии в китайское подданство «бежавших из подданства российского олотских людей, а именно: Убаши, Чебок Таржи (Цебек Дорджи. – *И.Н.*), Шерена, Лауджанджапа, Емпола и других главных людей, всех с их женами, детьми и подчиненными» [2, л. 77об.–78]. В указе, написанном

«с свойственным им одним (китайцам. – *И.Н.*) грубым образом объяснения», император Цяньлун приводил целый ряд доводов, обосновывавших право Цинской империи принять под свое покровительство русских подданных. 1. Волжские калмыки «не приведены... к нам волею моею и силою, не призваны способом и обманом и не взяты от России». 2. «Россия пропитать их не может», поэтому отправились они в Китай «не от другого чего, но от голоду». 3. «Мне ли возможно смотреть на них, голодных и холодных, не сжалиться к принятию, к пропитанию?» 4. «Я же, будучи великий государь над всею Поднебесною, всегда под свою державу все тех иностранных людей, кои желают получить мою милость и быть моими подданными холопами, принимаю, каких бы владений ни были» [2, л. 80–81об.].

Император пытался аргументировать свои права на подданных Российской империи и с точки зрения договорно-правовой основы взаимоотношений между двумя государствами, в частности он ссылаясь на русско-китайский Кяхтинский договор 1727 г. В своем указе Цяньлун упрекал Сенат в том, что джунгары, «мои подданные», были приняты в российское подданство вопреки статье «о не удержании перебежчиков» русско-китайского договора, неременной выдаче подлежали и главные джунгарские нойоны Шерен и Лоунджап, о которых «письменных требований наших было много». Таким образом, приняв калмыков и джунгар в свое подданство, он лишь восстановил «справедливость» и «истину», нарушенные в 50–60-е гг. XVIII в. Российской империей. Поэтому, заключал богдыхан, «на истязание» России не только простой народ, но и их владельцев выдать «невозможно ни по какому образу» [2, л. 82–83об.]. «Сверх сего, – отмечалось в указе богдыхана, – российским надлежало удержать оных при выходе в своих границах или же по выходе обратить назад своим войском, а когда уже ни того, ни другого не учинили, и оные пришли к Или и остались здесь в подданстве, то как можно требовать оных?» [2, л. 84–84об.].

Российский Сенат «на сие затейливое от китайцев послание» в своем ответном листе от 9 марта 1772 г., несмотря на «совет» китайского императора рассматривать его лист «с почтением и... с разсуждением о вечном мире», потребовал выдать «калмыков – клятвопреступников и изменников», а также захваченных ими во время бегства в плен русских людей. «Между всеми просвещенными государствами и народами, –

говорилось в листе, – за свято почитается чужих подданных не принимать и не присваивать в продолжении мира и согласия». К тому же «мы всегда природных ваших людей никогда у себя не оставляем» [2, л. 85–86], – подчеркивалось в листе Сената.

В требовании Сената возратить русских подданных китайский император увидел только лишь «одну несправедливость» и повелел своим сановникам «отписать» в Россию «с изъяснением вразумительным». Во многом второй лист повторял те положения, которые были отмечены в указе императора. Поэтому остановимся лишь на принципиально новых моментах. Китайские чиновники пытались доказать, что наместник Убаши со своим народом «были совсем не ваши (т.е. российские. – *И.Н.*) подданные», так как «составляют из себя особое княжество... обычая с вашими русскими разного». «Винные люди» Шерен и Лоунджап «в вине своей признались» и прощены богдыханом «за дела прежние», – отмечали сановники. «Говорите вы еще, что ни одного нашего мунгала принято у вас не было. Речь сия и паче запаха в себе не имеет... [они] живут в довольствии, в изобилии, с радостью, с весельем. Отчего ж им, как вашим тургутам, стать в принуждении идти в вашу сторону?». Таким образом, требование Сената всего лишь «пустые слова», над которыми «мы все смеемся», – заключили в Лифаньюане.

В то же время китайское правительство выразило уверенность, что калмыки, живя в Цинской империи «во всяком изобилии», сами не захотят вернуться в Россию. «Отчего же им идти опять к вам, искать у вас себе казни? Пусть человека два к вам отскочат, но мы их, не допусая до вашего государства, схватим. А когда в ваши границы и войдут, мы, однако ж, требовать не станем: что в них нужды?». Также китайские власти отказались вернуть на родину и плененных калмыками во время бегства русских людей, которых, по сведениям русских властей, было около 150 человек. «Тургуты, пришед к нам, – отмечалось в листе Лифаньюаня, – о взятых с собою во время выхода из вашей России русских людях ваших ничего (что имеют у себя оных или нет) в Трибунале нашем не объявили... Хотя несколько у них и осталось, но нет здесь закона вновь такое дело исследовать». В заключение предлагали «мирное согласие» «соблюдать вечно» и не портить отношения двух соседственных государств из-за «нескольких перебежчиков». Впрочем, отмечалось в листе, если русские власти хотят испортить дружественные отношения, то «предварять вас не будем». Только предлагали подумать над тем, что «тургуты знают совершенно места ваши, что имеете на северном краю войну, и чтобы мы, употребляя их, не взглянули на вас искоса» [3, с. 226–230], т.е. Лифаньюань угрожал в случае военных действий против России использовать ее бывших подданных.

В ответном листе Лифаньюаню Сенату пришлось опровергать аргументы, приводимые Палатой

внешних сношений, и обосновывать свои права на волжских калмыков. Прежде всего подчеркивалось, что торгоуты «бесспорно здешние подданные», так как уже «с полтора года» проживали в России. Не согласилось русское правительство и с утверждением богдыхана, а затем и китайских чиновников, что калмыки ушли в Китай «по своей воле» из-за тяжелого экономического положения. «По одним ковам (т.е. козням. – *И.Н.*) и ухищрениям некоторых из своих начальников они возмутились. Сколько сие обстоятельство ни кажется вам невероятным, но оно, однако ж, подлинное... – И далее в листе указывалось. – Жили же они в державе Российской империи в довольствии и без всякого изнурения и никаких поборок не платили, а только иногда на службу снаряжались».

В своем послании Сенат укорял китайское правительство в нарушении норм международного права того времени. Так, по мнению русских сенаторов, китайские власти, прежде чем принять российских подданных под свое покровительство, должны были хотя бы «почтить нас... непосредственным истребованием, чтоб мы их вам формально уступили». Не следовало бы приводить и «рассуждения, оправдывающие изменников», так как это значит «чувствительно трогать почтительную державу, которая со своей стороны всякое к вашему государству хранит уважение». К тому же «предпринимать все, что ни рассудится за благо, следовательно, и людей всякого звания, породы и земель себе присваивать одною собственною властью есть всю вселенную мнить иметь в своем повиновении». В свою очередь, Сенат подчеркивал, что взаимоотношения двух империй – Российской и Цинской – основываются на договорно-правовых актах. В частности, вопрос о перебежчиках регулируется соответствующей статьей Кяхтинского договора 1727 г. Таким образом, русское правительство настаивало на выдаче своих подданных, во-первых, на основании русско-китайского договора, а, во-вторых, апеллировало к «закону естественному, основанному на внутренних чувствованиях» и являющемся «источником всех гражданских законов» – человеколюбию [3, с. 230–233].

На этом переписка между двумя государствами по вопросу о волжских калмыках и джунгарах, которая свелась лишь к взаимным упрекам и обвинениям, прекратилась.

Лифаньюань, заявляя Сенату, что калмыки «живут во всяком изобилии» «на кочевьях хороших» и не желают возвращаться в Россию, несомненно, приукрашивал истинное положение дел. Осознание сделанной ошибки появилось у калмыков уже во время бегства. М. Вязелев, сумевший бежать из калмыцкого плена, рассказал местным властям, что не только рядовые калмыки, но и зайсаны сожалели о своем поступке. В частности, зайсан Ондон говорил ему, «что весьма напрасно ис протекции Ея и.в., где они пользовались

всяким благоденствием, бегут». По словам зайсана, если бы русские войска «успели на их толпу найти, то б неотменно они к ним пристали» [4, л. 208]. Но нескоординированные действия российских войск, а также содействие казахов в поимке калмыков заставили последних ускорить бегство и уйти в границы Китая.

Еще больше сожаление о роковой ошибке усилилось у калмыков после их расселения в Цинской империи. Как отмечал Б.В. Долбежев, китайское правительство, принимая калмыков, «хорошо помнило последние кровавые события в Джунгарии, связанные с именем знаменитого джунгарского повстанца Амурсаны, и по опыту прекрасно знало, каким беспокойным элементом населения являются кочевники и какую грозную силу представляют они, объединившись под знаменем борьбы за независимость» [5, с. 5–6]. Поэтому калмыки были расселены в глубинных районах страны (выделенные кочевья были «по большей части гористые и каменистые» [6, с. 104]) и «по частям разделены» [7, л. 83об.]. Таким образом, обустройство приволжских калмыков было осуществлено в соответствии с системой джасакств-знамен [8, с. 83–88] с целью лишения их самостоятельного военно-политического значения.

О положении не только простого народа, но и зайсанов в Цинской империи в конце XVIII в. красноречиво говорят слова самих калмыков. «Когда жили мы в России, наш хан над подчиненными имел полную власть и, кроме самой государыни, не состоял под командою у российских генералов. А ныне не только мы, но и наши ханы находятся под присмотром и командою у манджурских генералов, кои с наших ханов почти грабежем собирают скот и всякие вещи, а ханы, что отдают тем генералам, то такое ж число вещей и скота с нас получают. И от тех их нападков и грабительств ныне пришли мы в великое разорение» [2, л. 231–231об.]. Сожалея о побеге и оценивая результаты своего рискованного шага, народ сложил поговорку: «Были у нас путы веревочные – мы променяли их на железные».

О бедственном положении волжских калмыков в Цинской империи русским властям неоднократно сообщали казахи, русские, а также сумевшие бежать из Китая калмыки. Также поступали сведения о том, что не только рядовые калмыки, но и зайсаны «о своей измене сожалеют» и желают возвратиться в Россию, только «способу не находят» и надеются на помощь русских войск [7, л. 83об.]. Омский купец Захар Пеньевский доносил, что калмыки связывают возможность своего возвращения с войною между Россией и Китаем. По их мнению, в случае военных действий китайцы непременно их «употребят против России». Тогда, получив «достаточное для себя оружие (какова они имеют толко копья и луки с стрелами, а огнестрельнова мало)», они смогут «единодушно... отло-

житца ис китайскова подданства и со всеми своими семействами предатца в российское подданство, естли хотя малейшая от России подана им будет помощь и защищение» [9, л. 278].

Желая выяснить обстановку на месте, командующий на Сибирских линиях генерал-майор Скалон отправил в Синьцзян казахского старшину Мамбет Батыра. По возвращении Мамбет Батыр донес, что калмыки «оказывают склонность к возвращению назад, ежели в преступлении своем будут прощены и в том им подленное подается обнадеживание от начальствующаго на сибирских линиях» [10, л. 23]. Не зная как поступить в данной ситуации, Скалон запросил мнения у Коллегии иностранных дел. Коллегия иностранных дел рекомендовала Скалону проверить сведения о раскаянии калмыков, доходившие до местных властей, и отправить к ним «надежнейшаго человека из сибирских магометан», чтобы он выведал «их истинныя мысли и рассуждения», разведал, насколько далеко они находятся от российских границ и «в каком с китайской стороны содержании». Принимая во внимание, что калмыки в бытность свою на Волге «приносили пользы немалыя по Астраханскому открытому краю», Коллегия просила генерал-майора предоставить сведения «в которую бы сторону можно было б им (калмыкам. – *И.Н.*) к здешним границам прибежище возыметь» на случай, если будет принято решение о приеме калмыков обратно в российское подданство [10, л. 23].

В это время цинская дипломатия ожидала прихода в империю оставшихся на Волге калмыков и предпринимала меры к беспрепятственному их проходу через казахские кочевья. По сообщению К. Казанбаева, бывшего в июле 1772 г. в Среднем жузе, к султану Аблау приезжало китайское посольство «в пятидесяти человеках» с требованием императора Цяньлуна, чтобы «киргисцы ожидаемых в китайскую сторону из России оставших калмык безбедно пропустили, и... всякое вспоможение учинили», угрожая в противном случае «мечом». Аблай согласился выполнить требование лишь в том случае, если «оставшие калмыки спокойно чрез орду их пройдут» [11, с. 197–198].

Пока русские власти проводили разведку и решали, где поселить калмыков, последние небольшими партиями стали выходить к русским крепостям. Так, в середине 1772 г. в Усть-Каменогорской крепости появилась первая небольшая группа бежавших из Китая волжских калмыков. Об этом было сообщено в Коллегию иностранных дел рапортами от 10 июля и 30 ноября 1772 г. генерал-поручика де'Колонга. 1 июля 1773 г. императрица Екатерина II подписала указ о политике в отношении выходивших к русским крепостям волжских калмыков. Прежде всего отмечалось, что «содержание сих выходцев в Сибири, а особливо при умножающемся, может быть, впредь числе... совсем неудобно», поэтому необходимо отправлять их на

Волгу «к оставшимся там однородцам». Однако правительство опасалось того, чтобы они «не причинили в них разврата и не возбудили и последних калмыков, в здешнем подданстве находящихся, на измену и на побег». Поэтому местным властям необходимо было принять меры «самого ближайшего присмотра», чтобы «где бы ни находились, не были же и в состоянии производить вреда», к тому же они должны были обращать особое внимание «на различие из них надежных от безнадежных и не сыщутся ли в числе их иногда и нарочно подосланные». «Впрочем, – отмечалось в указе, – такие вам предписания требуют крайнего секрета, чтоб калмыков не отстранить в здешнее подданство возвращаться» [3, с. 225–226].

Отметим, что калмыки подвергали себя смертельной опасности, решаясь бежать из Китая. Когда китайским властям становилось известно, что калмыки имели сношения с русскими пограничными властями, то первые подвергались смертной казни [12, с. 63]. Пытавшимся бежать обратно в Россию ставили клеймо раскаленным железом на щеках или лбу [13, л. 17]. Калмыкам-беглецам угрожала опасность не только от военных китайских застав, но и от казахов, через земли которых они были вынуждены бежать. «... киргиз-касайки их ловят, если киргиз-кайкакам попадетсЯ значительная партия беглецов-калмыков, они препровождают ее китайцам для расправы, а отдельных беглецов продают русским и другим людям за деньги», – сообщали местным русским властям бывшие в то время в Китае русские люди [6, с. 105].

Опасаясь массового бегства калмыков из Синьцзяна, 12 марта 1773 г. император Цяньлун издал указ об усилении постов на границе с Россией. «В качестве необходимых мер предосторожности тайно дать распоряжение караульным постам, расположенным вдоль дорог в приграничной с Россией полосе, чтобы они строго охраняли границы и не допускали не малейшего послабления» [11, с. 198], – говорилось в указе.

Но, несмотря на все меры, предпринимавшиеся китайским правительством, калмыки на протяжении десятилетий не оставляли попыток возвратиться в Россию: либо, рискуя жизнью, пытались самостоятельно бежать, либо же обращались с просьбами о помощи к русским местным властям. Русские люди, бывавшие в их кочевьях, неоднократно слышали следующего содержания разговоры калмыков: «Если б хотя небольшое число российских войск приближено было к китайским границам, то они все меры употребили [бы] к побегу обратно в Россию» [6, с. 105].

В 1790 г. часть волжских калмыков просила корпусного командира сибирских линий генерал-майора от инфантерии Г.Э. Штрандмана содействовать их возвращению в Россию. Штрандман, в свою очередь, отправил рапорты о просьбе торгоутов в Коллегию иностранных дел. Коллегия иностранных дел представила рапорты Штрандмана о «торгоутском воп-

росе» императрице Екатерине II. 12 декабря 1790 г. на заседании Коллегии иностранных дел была выработана официальная позиция царского правительства по «торгоутскому вопросу», окончательно сформулированная 27 января 1791 г. в именном указе императрицы Екатерины II на имя генерал-майора Штрандмана «О поселении волжских калмык в Колыванской губернии» [14, с. 206]. Уже из самого названия указа видно, что правительство считало возможным «в России дать... убежище» калмыкам, «поелику при побеге их отсюда китайцы не только не затруднились принять их, но и в выдаче потом формально отказали». Предварительно планировалось принимаемых калмыков поселить в Колыванской губернии «по усмотрению тамошнего начальства». Штрандману предписывалось «принять меры и к защищению оных на пути посылкою воинской команды к реке Нарыму». Чтобы не вызвать подозрений у китайской стороны, официальной причиной посылки воинской команды должно было быть объявлено «прикрытие новоотысканного медного рудника между Бухтармой и Нарымом». В то же время в указе генерал-майору особо подчеркивалось, чтобы «особливо не касаться границ китайских... и вообще ни на какие противу китайцев неприязненные действия не поступать». Отступить от этого пункта указа можно было лишь «разве в случае нападения их на ту команду или же входу их вооруженною рукою в пределы Российские» [14, с. 206–207].

Не изменился курс царского правительства в отношении волжских калмыков, находившихся в Цинской империи, и с восшествием в 1796 г. на престол Павла I. В именном указе 1797 г. генералу Штрандману говорилось о важности возвращения в Россию волжских калмыков, однако подчеркивалось, что русско-китайская торговля «заслуживает уважения», и поэтому нельзя «подать поводу китайскому правительству прервать» ее [15, л. 57]. Таким образом, перед Штрандманом ставилась сложная задача: сохранить кяхтинский торг и возвратить волжских калмыков. Генерал должен был объявить «тем представителям калмыцкого народа, которые являться будут, что положение наше с Китайским двором не позволяет нам подать им какую-либо явную помощь до тех пор, пока они в границах китайских находиться будут, но когда выйдут из них в нашу сторону и сами собою намеренное предприятие исполнят, так ничто не воспрепятствует нам оказать помощь им...» [12, с. 64–65].

Итак, российское правительство в течение последней четверти XVIII в. не оставляло намерений возвратить в российское подданство находившихся в Синьцзяне волжских калмыков. Однако оно действовало нерешительно из-за опасения нарушить мирные отношения с Цинской империей, что, несомненно, отразилось бы на русско-китайской торговле. Меры, предпринятые китайским правительством по удержа-

нию новых подданных, не позволили волжским калмыкам организованно покинуть пределы Цинской империи, поэтому в Россию вернулись лишь небольшие

группы, которым самостоятельно удалось добраться до русских границ, а основная часть ушедших в 1771 г. так и осталась в китайском подданстве.

Библиографический список

1. Позднеев А.М. История калмыков (машинописная рукопись) / А.М. Поздеев. – Л., 1935.
2. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. – Ф. 273. – Карг. 27. – Д. 2.
3. Архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях (рукописные документы) // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4.
4. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОрО). – Ф. 3. – Оп. 1. 1771 г. – Д. 120. – Л. 208.
5. Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги. Карашарское ханство / Б.В. Долбежев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. 86. – СПб., 1913.
6. Пальмов Н.Н. Очерки истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России. 2-е изд. – Элиста, 1992.
7. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). – Ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1742–1773. – Оп. 122/1. – Д. 7.
8. Чернышев А.И. Общественно-административное устройство ойратов в составе империи Цин / А.И. Чернышев. – М., 1990.
9. ГАОрО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 25.
10. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФ АК). – Ф. Р–1788. – Оп. 1. – Д. 15.
11. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. // Документы и материалы. – Кн. 2. – М., 1989.
12. Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв. «Торгутский побег» 1771 г. / Ш.Б. Чимитдоржиев // Исследования по истории и культуре Монголии. – Новосибирск, 1989.
13. ЦХАФ АК. – Ф. Р–1788. – Оп. 1. – Д. 14.
14. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIII. 1789–1796. – СПб., 1830.
15. АВПРИ. – Ф. СПб. Главный архив. 1–7. – Д. 19.